

Ефимова Епифанова, 44 л(ет), Ивана Иванова Логинова, 42 лет, Игнатия Степанова Костожева, 35 л(ет) — уволенного в запас матроса, Иона Иванова Чиликина, 30 л(ет), Осипа Францева Ясинского, 43 л(ет), крестьянина Каинского округа Петра Дмитриева Конева, 26 л(ет) и ивородца Бийского округа Быстринской ивородной управы Алексея Иванова Карпова, 23 л(ет), признал виновными в том, что 13 февраля 1894 г. как главные виновники и зачинщики принимали участие в стачке рабочих на Быстринском прииске, на основании 618, 1 ч. 273, 1 ст. 36, 134, 135, 1 ст. 88 Уложения о наказаниях, подвергнуть тюремному заключению на один год каждого, но, за силою 1 п. IV ст. Всемирногивейшего Манифеста от 14 ноября 1894 г. от означенного наказания освободить.

18 января 1896 г.

Советник: подпись неразборчива

Г. А. К. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1363. Л. 63. Подлинник.

№ 9. Доклад Канцелярии главного управления

В резолюции, положенной Вашим превосходительством, от 16 апреля 1894 г., на рапорте чиновника по разным поручениям Миролубова о расследовании причин беспорядков, происходивших на Быстринском прииске среди рабочих, между прочим заключается следующее:

«...Что же касается личной ответственности г. Ярославцева за происшедшие беспорядки на прииске, то вопрос об этом отлагаю до решения этого дела Томским губернским судом...»

Ныне дело это Томским судом решено, о чем канцелярия Главного управления докладывает Вашему превосходительству, прилагая при сем копию с решения, и присовокупляет, что Ярославцев уволен от должности заведующего приисками приказом генерала заступающего место начальника округа за 2-е апреля настоящего года.

6 сентября 1896 г.

Подпись неразборчива

ГЛАВК, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1363. Л. 65. Подлинник.

Т. К. Щеглова

Деревня Солонешенского района в XX в.: устная история
(из опыта устноисторического анализа)

Освоение любой территории Азиатской части России, в том числе Алтайского края в XVIII–XX вв., происходило через создания временных и постоянных мест проживания. Поселенческая инфраструктура Солонешенского района на протяжении всего XX в. менялась. Тенденции ее развития отражали общие для Алтайского края периоды и направления: наибольшей освоенности территория района достигла в 1920-е гг. (период расцвета вольной крестьянской колонизации) и наибольшего сокращения насе-

Карта Солонешенского района

ленных пунктов — в 1980-е гг. (результат советской реорганизации деревни). Развитие поселковой сети проходило на глазах современных жителей сел. Старожилы солонешенских деревень хранят интересную информацию. Сбор и запись устных рассказов о прошлом, фиксация интерпретаций (толкований) очевидцами событий XX в. является перспективной формой историко-краеведческих исследований. За рубежом данное направление получило название «устная история» (oral history). Оно оформилось в США в 1930–1940-е гг.

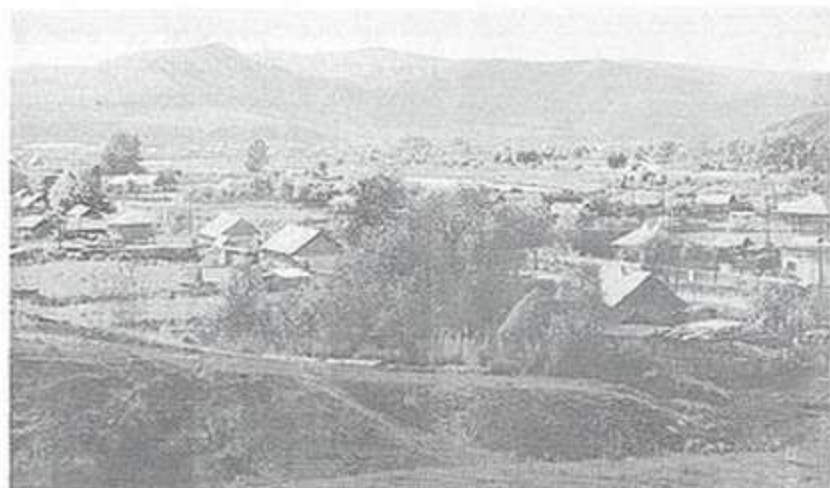
Методы опроса и записи воспоминаний известны издревле. История как наука началась с фиксации путешественниками фольклора и мифов, устных историй о происхождении, жизни народов. С развитием письменности и формированием архивов письменных источников устные методы

изучения стали применяться преимущественно к истории бесписьменных сообществ (народов Африки, Австралии, Америки, Азии). В XX в. ученые вернулись к фиксации народной памяти и народного опыта, но с применением современных технических средств — магнитофонной и видеозаписи, компьютерной обработки.

Существует много причин создания устных источников. Во-первых, информация архивов не отражает всей полноты прошлой жизни. Фиксируется преимущественно статистический материал (показатели экономической жизни), официальный материал (разные формы отчетности государству по важным для него показателям частной, общественной, политической, хозяйственной жизни), фонды документов известных людей и т. д. Вне интересов государства осталась будничная жизнь, судьба рядовых участников истории. Во-вторых, официальные архивы хранят преимущественно тенденциозную информацию, отражавшую официальную точку зрения. Сбором информации для архивов в XX в. занимались государственные ведомства, которые выполняли идеологический и политический заказ. В результате архивные письменные источники односторонне отражают многие драматические события советской истории (раскулачивание, репрессии, ликвидацию населенных пунктов и т. д.). В России сформировался разрыв между официальной историей, которая замалчивала или искажала многие исторические события, и «народной историей», опиравшейся на опыт и судьбу членов семьи в период советских кампаний по переустройству общества.

Авторские устноисторические исследования начались с работы в 1990 г. на территории Солонешенского района. Метод устной истории опробовался в ходе экспедиций по другим сельским районам Алтайского края. Он позволяет изучать деревню комплексно: историю крестьянской семьи и единоличного хозяйства в 1920-е гг., коммунарное и колхозное движение, коллективизацию и раскулачивание, сельский приход и разрушение церкви в 1930-е г., женскую судьбу в годы Великой Отечественной войны и голод 1933–1934, 1946–1947 гг., судьбу сельчан в период укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных сел и т. д.

Первая экспедиция на территории Солонешенского района (июнь 1990 г.) показала, что устный источник содержит фактологический и эмпирический материал. Первый используется нами при восстановлении событийной истории (число поселений, их расположение, планировка и застройка исчезнувших сел, описание крестьянского подворья и подсобного хозяйства, сельская жизнь и формы досуга и т. д.). Второй позволяет восстановить прошлую жизнь в полном многообразии: мировосприятие и

С. Сибирячиха. 1990 г. Фото автора

жизненный опыт людей, их оценки событий и исторических деятелей, вкусы и взгляды, суждения и мнения, пристрастия и убеждения и т. д. Современная методология считает, что эмпирические и эмоциональные факторы являлись самостоятельными движущими силами истории. Достаточно напомнить, какую роль играли личные убеждения людей в событиях Гражданской войны, в развитии коммунального движения и разрушении церквей и т. п.

За время экспедиции с 6 по 19 июля 1990 г. нами было изучено и описано состояние сети сельских населенных пунктов на территории Сибирячихинского, Лютаевского, Солонешенского, Березовского, Карповского, Степного, Тополинского сельских советов. Только на территории Сибирячихинского совхоза «Знамя Октября» (центральная усадьба с. Березовка) и Светлинского совхоза (центральная усадьба с. Лютаево) описаны около 20 сел, погибших в 1930–1980-е гг.: Таловка, Мульчиха, Гордеевка, им. Коминтерна, Вятчиха, Красный Ануй (Ануйское), Калиниха, Большая Речка, Малиновка, Коммунист, Прямое, Огород, Боровское, Листвянное, Москалевка, Большой Листвененок, Садовое, Светлинское, Чапаевское, Октябрьское. Во время обследования сел в экспедиции 1990 г. в полевом дневнике было записано: «Несмотря на изменение отношения к неперспективным селам от уничтожения к поддержке их государством в середине 1980-х г. процесс умирания деревень не прекратился. Так, на территории Сибирячихинского сельского совета осталось всего три села: Сибирячиха, насе-

И. А. Москалев.
Фото автора. 1990 г.

ние которой уменьшается, если в 1920-е гг. было 660 дворов, то сейчас около 400; с. Александровка и Партизанское. Из трех сел одно, Партизанское, на грани исчезновения: осталось 8 дворов с живущими в них пенсионерами. На территории Березовского сельского совета также три села — Березовка, Юртное и Калининское. Из них на грани исчезновения с. Калининское: осталось 14 дворов с 59 жителями» [личный архив автора].

Основной формой изучения сельской истории были встречи и записи бесед с местными жителями по вопросам. Записанные интервью являются самостоятельными историческими источниками. Особый интерес представляли записи рассказов Ивана Антиповича Москалева, чьи предки на рубеже XIX—XX вв. основали с. Москалевку и последними покинули ее в середине 1950-х гг., Маланьей Иванов-

ной Субботиной, последней жительницей с. Листвянное (кержацкое название — «Малый Листвененок»), Лукой Трофимовичем Денисовым, последним председателем сельского Совета и жителем с. Большая Речка (основано еще в 1840-е гг.), Максимом Васильевичем Очаковским, жителем исчезнувшего крупного рудного поселка Мульчиха, братьями Степаном Ивановичем и Иваном Ивановичем Денисовыми, родившимися в с. Вятчиха и одними из последних уехавшими из него, Марией Арефьевной Сухих, коренной жительницей некогда одной из самых красивых деревень Солонешенского района — Таловки. Многие из этих деревень уже забыты молодыми современниками.

С помощью старожил были установлены местонахождения деревень, количество дворов, занятия жителей. Устные рассказы определили периодизацию развития и образования сел в советское время и этапы сокращения сети населенных пунктов. Наиболее благоприятным периодом для развития крестьянского хозяйства в памяти старожил остались 1920-е гг. — время расцвета единоличного хозяйства. Народные оценки ос-

нованы на сопоставлении предыдущего периода (когда они зависели от общины) и последующего периода (когда их лишили паспортов и прикрепили к колхозам). В сознании крестьян это время ассоциировалось с предоставлением им полной свободы и собственности на землю. Как образно определил житель Сибирячихи Л. Т. Денисов (1910 г. р.), «...иди куда хошь, делай что хошь, и, сговорившись вместе жить и работать, поехали на давно обжитую землю». Е. Г. Ручкина (1902 г. р., Сибирячиха) так и сказала: «Все села образовались в те годы (1920-е). Всем всё разрешили, и все поразъезжались по займам, взяли землю». Практическими результатами новой экономической политики Советского государства на Алтае в 1920-е гг. стало основание новых сел, проходившее традиционным крестьянским способом: основание постоянных и сезонных поселений вблизи производственного пространства — пашни, пасеки, выпаса, сенокоса. Старожилы по старинке говорили: «образовывались хутора» или «уезжали на свои займки». Так, жителями Сибирячихи были образованы села Гордеевка (на свою займку переселился С. Г. Гордеев с земляками Тупиковыми, Черепановыми, Архиповыми), с. Вятчиха (переселился Осипов с сыновьями), Красный Ануй, Александровское, Лесная займка и др. Даже в образовании Калинихи на Боровском отвилке по рч. Калинихе участвовали сибирячихинские крестьяне. Крестьяне выбирали место с учетом направления ветра, наличия воды, солнечного света, леса, возможности заниматься промыслами: пчеловодством, сбором грибов и ягод, охотой, рыболовством; хорошо изучали окрестные места и в соответствии с их природно-климатическими характеристиками развивали свое хозяйство. Так, Вятчиха была образована у ключа Вятчиха на «р. Мульчихе, которая впадает в Александровку, из Александровку в Сибирку». В тех местах «трав не было, занимались скотоводством, но хозяевам сена не хватало». А вот место под Калинихи выбирали, «где полегче с дровами было».

Но крестьяне присматривали не только самое производительное место, но и красивое, живописное. Именно практический крестьянский опыт и крестьянская этика определяли жизнеспособное пространство каждой деревни. Крестьянская инициатива и предприимчивость являлись главными движущими силами формирования сети сельских поселений Алтая в 1920-е гг. Народное «творчество» проявилось в многообразии типов создаваемых поселений: деревня, поселок, выселок, займка, хутор, односелье. Первые села на территории Солонешенского района в XIX в., по устному преданию, возникли, например, как солонешенские займки (с. Солонешка Смоленского района — один из центров старообрядчества Алтая поморского согласия). Например, о Лежаево старожилы говорили, что оно воз-

никло как заимка солоновцев, а название получила от слова «лежать» — «лежали на заготовках сена». А Лютаево основали Лютаевы и братья Ромкины (Ромкины сопки, Ромкин ключ). Классическим заимками были два Листвененка (или Листвянных) — Большой и Малый. В Большом Листвененке жили кержаки, а в Малом — крестьяне-заимочники, придерживавшиеся официального православия. В последнем в 1932 г. было около 20 дворов. Оно, по словам М. И. Субботиной (1908 г. р.), тоже было солоновской заимкой. Располагалось в 5 км от Лютаево вдоль ключа, который впадал в В.-Солоновку.

В 1920-е гг. в результате реализации новой экономической политики переселения из больших сел на производительные угодья получили широкий размах. Так, первоначально Мульчиха (позже на ее месте основали поселок при руднике) возникла, «когда разрешили хутора и люди уезжали на свои заимки, где косили траву, скот пасли» (М. В. Очаковский, 1908 г. р.). Возле Березовки было образовано два «хутора» — Юров и Крюков. Экономическая целесообразность определяла характер и размеры крестьянского поселения, его долговечность или кратковременность, основные направления развития хозяйства, отбор культур, формы и типы домов и т. д. Как выселок образовался поселок Глиняный, иногда его так и называли — Глиняный выселок. Главным занятием жителей было скотоводство. В 1930–1940-е гг. в нем было около 15 дворов, и ближайшие села (Б. Речка и др.) закупали у крестьян кожи. Жители Глиняного «свое хозяйство имели, кони свои, телеги свои, кошевы свои» (Е. Г. Ручкина). Черновое также «возникло из заимки, расположенной через Ануй от Сибирячихи на юг в сторону Тележихи, по дороге на Солонешное... На его месте, по рассказам старожилов, маралов держали. А в войну золото мыли, прокладывали шурфы — искали». При этом старожилы могут слабо ориентироваться в административном статусе селений (заимка, выселок, хутор), но в качестве основной характеристики населенных пунктов указывают, что все они образовались вольным крестьянским путем, как результат развития единоличного хозяйства. При этом, несмотря на неграмотность, старожилы субъективным восприятием прошлой истории отражали объективную реальность, в частности особенности заселения удаленной горной местности, которая, в отличие от других регионов Алтайского края, долгое время была вне контроля окружной администрации и служила убежищем для инакомыслящих, инакомыслящих и других категорий вольнопоселенцев.

Язык устных повествований старожилов Солонешенского района отражает восприятие ими переселенцев разных волн из Европейской России

как людей, ищущих в отдаленной гористой солонешенской земле своего рода убежища, места сокрытия от властей. К примеру, Лука Трофимович Денисов, из старожилов, так интерпретировал образование Мульчихи на р. Сибирке: «Беженцы с России. Их стали обижать в России». Такая оценка имела под собой основания: еще в XIX в. все земли за военной линией (совр. Алтайский, Солонешенский, частью Смоленский и Советский районы) являлись территорией, вбравшей всех беглых, прежде всего староверов разных толков и других людей, чья деятельность была вне закона. Так, в Мульчихе среди «беженцев» из России жил колдун. «Хозяйства не держал. Сани делал. Было у него два сына и дочка...» Эта категория населения выделялась непохожестью на других крестьян и вызвала у них страх. Эта непохожесть в культуре устного повествования в сельской среде свидетельствовала о принадлежности их к иному, враждебному для крестьянского православного сообщества миру.

Эта генетическая память о разных категориях «беженцев» и лежит в основе интерпретации переселенческого движения старожилами — выходцами из беспоповцев-поморцев, кержаков, «поляков» и других старообрядческих согласий, изначально также являвшихся беженцами, скрывавшимися от преследований за веру. Память о первопричинах переселения их предков сохранялась благодаря традиции устной передачи семейных историй и преданий. В такой интерпретации они воспринимали все последующие миграции на территорию Солонешенского района. Тот же Лука Трофимович объяснил заселение Калинихи на рубеже веков миграцией людей, которые «бежали из деревни в деревню без документов», и тут же называет их «переселенцами». Интерпретация образования новых молодых сел исходит из устных преданий об основании старейших сел. В устной истории старожилов «беженцами» (крестьянами из других регионов Сибири, Урала и Европейской России) были образованы все села в XIX в.: «Первые беженцы приехали в Сибирку (Сибирячиха), Башелак, Большую Речку и затерялись». Такая народная интерпретация близка официальной истории. По мнению историков, в заселении земель Солонешенского района большую роль играли староверы таких согласий, как странники, стариковцы, поляки, поморцы и т. д.

Совсем по-другому интерпретируют историю образования сел крестьяне этнографической группы переселенцев из Европейской России конца XIX — начала XX в. Переселенческая интерпретация, в отличие от старожильской, имеет под собой иной жизненный опыт, который они приобрели в результате организованных правительством России массовых переселений в Сибирь, в том числе в Солонешенский район. Их устная тради-

ция также опирается на семейные предания, но построенные на более недавней истории (не позже конца XIX в.), чем старожильский вариант, базирующийся на далеком прошлом. Интерпретация образования сел переселенцами у старожилов (переселенцев в «далеком прошлом») и собственно переселенцев различается.

Рассмотрим в качестве примера историю с. Москалева на основе устного рассказа потомка переселенцев-основателей Ивана Антиповича Москалева (1925 г. р.). Его семейная история этнографична и детализирована: «Деды приехали из Воронежской губернии (мой отец родился в 1906 г.) и основали деревню. У них было два сына — Исай и Антип — и 5 дочерей». Показательно, что он не назвал имена сестер, что отражало психологию крестьян: дочери не приносили земли семье. Нарезали только по мужским душам, или, как говорили, «по едокам». Поэтому про женщин говорили: «лишний рот», и стратегическое значение женщин в производственном семейном коллективе было меньше. Дмитрий Сидорович Нормандский (1917 г. р.) также поддержал И. А. Москалева своей устной семейной традицией: «Деды с Воронежа пришли с Москалевыми. Наши родители были женаты на родственниках девках. Сначала пришли Москалевы, подсмотрели место. Отправили ходоков, и нас 62 человека (Нормандские) пришли. Там был листок. Резали. Мой отец с 1899 г. р., его маленьким привезли. Москалевы были 8 семей. А потом появились Кондрашины (6 семей) с Украины. Они поженились на Москалевах, Нормандских. С 1938 г. стали подъезжать с Солоновки, Песчанки, Карповки».

В отличие от старожилов с их хозяйством преимущественно скотоводческого направления, российские переселенцы были земледельцами и старались на новом месте продолжать хлебопашество. Поэтому и в Москалевке, по семейным преданиям, использовали все благоприятные для земледелия возможности. Село располагалось не очень удобно (переселенцам выбирать не приходилось, старожилы успели занять лучшие места) «узкое место, река бежит, поэтому посева все были к степи, только скот ходил, огородики были» (Нормандский Д. С.).

В результате массовых переселений из Европейской России на рубеже XIX–XX в. и разукрупнения старожильских сел (1910–1920-е гг.) на территории Соловешенского района сформировалась самая густая за всю историю сеть населенных пунктов. По переписи 1926 г. на территории Соловешенского района их было более 80, в том числе сел — 7, поселков — более 20, заимок — более 10, хуторов — менее 10, деревень — более 10, мельниц. Из них около 30 были образованы переселенцами второй половины XIX — начала XX в. и около 20 были образованы в 1920-е гг. в результате нэпа.

Населенные пункты Соловешенского района и сопредельных территорий по переписи 1926 г. (на 17 декабря 1926 г.)¹

Сельсоветы и населенные пункты	Род населенного пункта	Местонахождение	Год возникновения	Число хозяйств	Население, чел.	Расстояние до ж/д станции, км
1. Александровка с/с	поселок	р. Кучинова	1923	55	285	181
2. Мулычиха	—	р. Мулычиха	1923	47	231	181
3. Барсуково	—	—	1923	70	405	130
4. Дрезговитый	—	руч. Дрезговитый	1908	28	178	130
5. Генеральский	—	руч. Генералха	1908	15	88	130
13. Большая речка с/с (пасака)	дер.	р. Большая	1840	179	882	165
14. Ключ Загайново	заимка	кл. Загайново	1910	1	5	169
15. Ключ Пологий	хут.	кл. Пологий	1900	3	15	170
16. Малиновский	пос.	рч. Большая	1926	24	107	179
17. Успенский	хут.	рч. Березовый ключ	1925	16	93	159
21. Елиново, с/с	дер.	рч. Елиново	1907	72	351	185
22. Рыбное	пос.	рч. Рубное	1907	17	110	187
23. Усть-Бабайка	—	рч. Усть-Бабайка	1924	11	48	179
24. Чилик	дер.	рч. Чилик	1907	31	184	191
26. Колбино с/с	дер.	рч. Колбино	1896	63	288	200
27. Огневский	хут.	—	1896	12	47	172
28. Макаровка с/с	дер.	р. Большая	1894	43	237	171
32. Матвеевка с/с	дер.	р. Быстрая	1970	123	706	130
33. Медведевка с/с	село	кл. Светлый	1850	227	1190	125
34. Сибирячиха с/с	село	р. Ануй	—	557	2682	170
35. Вятчиха	пос.	р. Вятчиха	1922	31	166	175
36. Гордеевка	выс.	рч. Сибирячиха	1923	26	149	181
37. Красный Ануй	пос.	р. Ануй	—	10	48	182
38. Усть-Мохринская	заим.	—	—	7	35	135
39. Соловешное	село	р. Ануй	1801	590	2601	1411
40. Глиняный	выс.	рч. Глиняная	1923	12	59	152
41. Дмитриевский	пос.	кл. Козызов	1909	28	175	130
42. Мельница Никитина	мельн.	рч. Соловешное	1910	1	6	135
43. Черновое	выс.	рч. Черновая	1920	21	115	152
44. Тальменка, с/с	дер.	рч. Тальменка	1908	57	301	157
45. Речной	пос.	р. Большая	1910	2	15	158
46. Тележиха с/с	село	рч. Черновая и Тележиха	1850	358	1674	170

¹ Составлено: Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск, 1928. С. 704–706, 726–730.

Сельсоветы и населенные пункты	Род населенного пункта	Местонахождение	Год возникновения	Число хозяйств	Население, чел.	Расстояние до ж/д станции, км
47. Верх-Черное	пос.	рч. Черновая	1896	39	183	180
48. Плотниково	—	рч. Плотниково	1901	21	106	175
49. Токарево	заим.	кл. Токаревский	1920	1	7	176
50. Язевка	пос.	рч. Язевка	1896	6	42	163
51. Топольное с/с	дер.	р. Ануй	1820	486	2312	150
52. Гордеевское	заим.	рч. Дрезговита	—	1	9	130
53. Денисово	—	р. Ануй	1925	1	6	151
54. Зинюшево	—	—	1922	1	3	160
55. Лоскота	—	рч. Лоската	1923	5	40	155
56. Максимова	—	кл. Мешканов	1923	1	6	151
57. Проездная	—	кл. Просадной	1870	1	16	155
58. Савино	—	рч. Дрезговита	—	1	4	130
59. Телегина	—	рч. Степная	1925	1	3	154
60. Усть-Дрезговито (хут. Кудряшовский)	пос.	р. Ануй	1926	15	62	140
61. Черновальцево	заим.	—	1923	2	13	152
62. Туманово с/с	дер.	рч. Карамз	1860	181	981	155
65. Усуча с/с	пос.	рч. Усуча	1870	17	84	210
66. Досчаный	—	рч. Досчаная	1903	4	21	238
67. Казанда	—	рч. Казанда	1830	18	80	225
68. Каракол инород.	—	рч. Каракол	1880	7	39	208
69. Рыбный	—	рч. Рыбная	1866	3	14	230
71. Усть-Караса	—	рч. Каракол	1870	18	76	190
72. Усть-Пещерский	—	рч. Курача-Караса	1850	17	82	213
75. Чагон с/с	пос.	рч. Чаган	1925	47	258	115
76. Куевада	—	рч. Куевада	—	11	69	162
77. Степной	—	рч. Карам	1925	11	58	163
78. Черемшанская с/с	дер.	рч. Черемшанка	1856	307	1610	130
Куяганский район						
1. Александровка с/с	дер.	рч. Тихая	1861	127	659	—
2. Булатово с/с	село	рч. Тишка	1835	466	2422	130
3. Дресвянка	дер.	р. Песчаная	1907	55	240	120
4. Красный партизан	хут.	рч. Тихая	1920	5	37	130
5. Усть-Утесный (Таловка)	пос.	рч. Тишка	1910	7	43	120
6. Усть-Утесный (Вятское)	—	р. Песчаная	1910	6	23	120
7. Верх-Баранча	дер.	рч. Баранча	1881	130	612	120
8. Демина с/с	село	рч. Куявада	1838	279	1593	150

Сельсоветы и населенные пункты	Род населенного пункта	Местонахождение	Год возникновения	Число хозяйств	Население, чел.	Расстояние до ж/д станции, км
9. Верх-Чагон	заим.	кл. Чагон	1908	2	10	166
10. Гордеевка	—	рч. Куява	1905	1	9	153
11. Попова	—	—	1916	1	7	160
12. Попова-Арсения	—	—	1920	1	10	155
13. Чагон	пос.	—	1905	27	141	160
14. Карпово с/с	село	рч. Быстрая	1822	245	1336	140
15. Быстренок	пос.	р. Быстренок	1903	44	273	110

Населенные пункты Солонешенского района по переписи 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.¹ (число жителей и административное подчинение)

Сельсоветы и населенные пункты	1939	1959	1970	1979	1989	1992
Солонешенский район	25 185	19 742	17 274	15 129	13 807	14 874
1. Барсуковский с/с	924	Объединен с Солонешенским с/с				
с. Барсуково	250	Тумановский с/с	Степной с/с	Тумановский с/с		
п. Генеральский	6	х	—	—	—	—
п. Дрезговитый	24	х	—	—	—	—
п. Искра	289	Солонешенский с/с				
п. Колбино	208	х	—	—	—	—
п. Красноглинный	147	Солон. с/с	х	—	—	—
2. Березовский с/с	2 348	1 169	1 510	1 283	1 210	1 305
с. Березовка	1 302	635	749	820	830	911
п. Вятчиха	226	х	—	—	—	—
п. Калининский (Калиновская ферма)	хх	Черемшанский с/с	144	92	61	59
п. Октябрьский	хх	210	151	х	—	—
ф. Светлинская	268	142	Лютеевский с/с	х	—	—
п. Таловка	380	182	162	х	—	—
ферма с-за Березовский	172	х	—	—	—	—
п. Юртное	Черемшанский с/с	304	371	319	335	
3. Большеберезовский с/с	559	Объединен с Тальменским с/с				
с. Большая Речка	338	—				
п. Малиновка	58	—				

¹ Составлено: Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Ч. II. Барнаул, 1992. С. 322–325.

Сельсоветы и населенные пункты	1939	1959	1970	1979	1989	1992
п. Трудовик	113		—			
4. Булатовский с/с	1 422	1 217	811			
с. Александровка	Талм. с/с	141	Талм. с/с	Сибирячский с/с		
ф. Большая-Тихая	303	271	226	Карповский с/с		
с. Булатово	906	411	341	Алтайский район		
п. Жом откорм	хх	25	х	—	—	—
п. Новая жизнь	197	264	344	Тумановский с/с		
хут. Сузкая	16	х	—	—	—	—
Тамаринский Лог	хх	70	х	—	—	—
Черданцев Лог	хх	35	х	—	—	—
5. Верх-Слюдянский с/с	1 127	Усть-Калманский район				
с. Верх-Слюдянка	879		—			
п. Каменущка	153		—			
п. Ярославский	95		—			
6. Деминский с/с	1 038					
п. Александровка	221	Тальменский с/с	Сибирячский с/с			
с. Демино	494	Тумановский с/с	Степной с/с			
п. Чагон	303	Тумановский с/с	Степной с/с			
п. Этагол	20	Тумановский с/с	х	—	—	—
	1 939	1 959	1 970	1 979	1 989	1 992
7. Карповский с/с	990	—	1 201	921	878	919
п. Большая-Тихая	Булатов- ский с/с	165	104	225		
п. Быстрый		хх	310	х	—	—
с. Карпово	827	Лютеевский с/с	484	652	573	570
п. Комсомольский	Медведевский с/с		152	104	201	124
с. Матвеевка	Медведевский с/с		241	Тумановский с/с		
п. Песчаный	39	Лютеевский с/с	14	х	—	—
центр. ус. Карповского мясокомхоза	124	Лютеевский с/с	х	—	—	—
8. Красноармейский с/с					1 504	1 620
с. Медведевка	Медведев- ский с/с	Солонешенский с/с			184	205
с. Солонешное (часть)		Солонешенский с/с			1 043	1 103
п. Чаплевский	х	Черемшанский с/с	Лютеевский с/с		29	16
с. Черемшанка	Черемшан- ский с/с	Солонешенский с/с			248	296
9. Лютеевский с/с	907	1 876	1 676	1 310	968	994
п. Березово	х	304	259	151	134	145

Сельсоветы и населенные пункты	1939	1959	1970	1979	1989	1992
п. Верх-Слюдянка	179	х	—	—	—	—
с. Карпово	Карпов- ский с/с	310	Карпов- ский с/с			
с. Лютаево	619	780	864	826	647	646
п. Первомайский	х	Медвед. с/с	307	242	207	203
п. Песчанка	Карпов- ский с/с	283	Карпов- ский с/с	х	—	—
п. Светлинский	Березовский с/с		76	х	—	—
п. Федоровка	109	х	—	—	—	—
Центр ус. Карповского с-за	Карпов- ский с/с	199	х	—	—	—
п. Чапаевский	х	Черемшанский с/с	170	91	Красноармейск. с/с	
10. Медведевский с/с	1 985	1 238	х	—	—	—
ф. Комсомольская	164	266	Карповский с/с			
п. Матвеевка	770	296	Карпов- ский с/с	Тумановский с/с		
с. Медведевка	739	424	Солонешенский			
Первомайская ферма		252	Лютаевский с/с			
11. Сибирячхинский с/с	2 267	1 885	1 668	2 181	1 753	1 605
с. Александровка	Тальмен- ский с/с	Булатовский с/с	Тальмен. с/с	255	150	155
п. Ануйский	251	240	201	185	188	177
п. Гордеевка	20	х	—	—	—	—
ф. Новостройка	35	х	—	—	—	—
Огородный участок	х	85	20	х	—	—
п. Партизанский	х	161	132	75	28	19
п. Садовый	—	—	114	129	15	8
с. Сибирячка	1 797	1 093	1 201	1 283	1 175	1 246
ф. Сибирячхинская	164	х	—	—	—	—
с. Тальменка	Тальменский с/с			254	197	Солонеш. с/с
Центр. усадьба Сибиря- чхинского с-за	—	306	х	—	—	—
12. Степной с/с	—	—	1 962	1 203	938	1 115
п. Алтайский	—	Туманов. с/с	119	37	х	—
п. Барсуково	Барсуков. с/с	Туманов. с/с	76	Тума- нов. с/с		
с. Демино	Демин. с/с	Туманов. с/с	419	325	273	317
с. Степное	Тополит- ский с/с	622	699	545	653	

Сельсоветы и населенные пункты	1939	1959	1970	1979	1989	1992
с. Туманово	Туманов- ский с/с	508	Тумано- вский с/с			
п. Чагон	Демин. с/с	Тумановский с/с	218	142	120	145
13. Солонешенский	4 443	4 178	4 898	5 458	4 216	4 803
п. Дмитриевка	185	х	—	—	—	—
с. Искра	Барсуки с/с	574	564	393	280	296
ф. Комсомольская	240	х	—	—	—	—
п. Красноглинный	Барсуки с/с	44	х	—	—	—
п. Медведка	Медведев- ский с/с		337	276	Красно- ануй- ский с/с	
с. Солонешное (часть)	4 018	3 560	3 673	4 090	3 580	3 917
с. Тальменка	Тальмен- ский с/с	Сибирячихин- ский с/с			234	
с. Тележка	Тележихинский с/с			446	356	356
с. Черемшанка	Черемшан- ский с/с	324		253	Красно- ануй- ский с/с	
14. Тальменский с/с	909	1 214	998	Объединен с Сибирячихинским с/с		
п. Александровка 1-я	312	Булат. с/с	363			
п. Александровка 2-я	Демин. с/с	221	х	—	—	—
п. Бобровское		5	х	—	—	—
с. Большая Речка	Б.-Речен- ский с/с	261	140	х	—	—
п. Калиновка	Усть-Кал- манский р-н	67	96	х	—	—
п. Кузина речка		36	х	—	—	—
п. Махарева	236	х	—	—	—	—
п. Малиновка	Б.-Речен- ский с/с	20	3	х	—	—
п. Мульчик	223	95	8	х	—	—
п. Рудник, Мульчик (п. Трудовик)	Б.-Речен- ский с/с	148	х	—	—	—
с. Тальменка	138	361	388	Сибиря- чих. с/с	Солонешенский с/с	
15. Тележихинский с/с	1 009	864	593	Объединен с Солонешенским с/с		
п. Верх-Черновое	76	55	х	Объединен с Солонешенским с/с		
п. Нижне-Черновое	98	х	—	—	—	—
с. Тележка	835	809	593	Солонешенский с/с		

Сельсоветы и населенные пункты	1939	1959	1970	1979	1989	1992
16. Тополинский с/с	2 562	3 200	1 957	1 790	1 386	1 435
п. Елиново	264	407	148	55	27	25
п. Казарма		16	х	—	—	—
п. Маральник	31	х	—	—	—	—
п. Нижний Чагон	24	х	—	—	—	—
с. Рыбное (маралосовхоз)	204	231	200	192	140	147
п. Рыбный (Горно-Алтай)		32	х	—	—	—
с. Степное	494	498	Степной с/с			
п. Тог-Алтай	200	230	167	153	12	15
с. Тополяное	1 358	1 333	1 442	1 390	1 207	1 248
п. Усть-Степное		25	х	—	—	—
п. Чилик	42	373	х	—	—	—
17. Тумановский с/с	812	1 723	Степной с/с	983	934	1 078
Алтайская ферма	х	163	Степной с/с			
п. Барсуково	Барсуки с/с	98	Степной	32	27	35
с. Демин	Демин. с/с	500	Степной с/с			
с. Матвеевка	Медведев- ский с/с		Карпов- ский с/с	147	79	91
п. Новая Жизнь	Булатов- ский с/с			143	167	198
с. Туманово	685	542	Степной	661	661	754
ф. Тумановская	127	х	—	—	—	—
п. Чагон	Демин. с/с	324	Степной с/с	Степной с/с	—	—
п. Этагол	Демин. с/с	96	х	—	—	—
18. Черемшанский с/с	1 883	1 178				
Калиновская ферма		206	Березовский с/с			
п. Новосветлинский	126	х	—	—	—	—
п. Чапаевская ферма	—	268	Лютас- ский с/с	Красноануйский с/с		
с. Черемшанка	825	433	Солонешенский с/с	Красно- ануй- ский с/с		
Ферма Черемшанская	241	х	—	—	—	—
п. Юртное	416	271	Березовский с/с			
Ферма Юртинская	275	х	—	—	—	—

Примечание: х — населенный пункт отсутствует в документах на момент переписи.

Крестьяне заселили все пригодные в горах для крестьянского хозяйства лоскуты земли: лог, сопки, ключи и ключики. Использовали все возможности осваиваемой местности. Где солнечно, занимали места под земледелие, где нельзя было заниматься земледелием: из-за высокого травостоя — скотоводством и т. д. Так, в Большой Речке основным направлением крестьянского хозяйства стало скотоводство: «пахали гривочки» и сеяли овес. Рос под потолок, а пшеница не вызревала (сырые места).

Слабое развитие земледелия отразила и перепись 1926 г. На территории Солонешенского района, в отличие от степных и лесостепных районов Алтая, было мало мельниц. По устным рассказам известна мельница Никифорова на р. Сибирке, которая «работала на воде». В колхозное время ее перевезли к амбарам, где она уже «работала на ветре». Потом еще долго, по словам старожил, стояла без дела. Рассказ старожил подтверждается переписью 1926 г.: мельница Никифорова была поставлена в 1910-е гг. на р. Солонешной. При ней проживала одна семья из 6 человек. Уже в 1980-е гг. она была разрушена, сруб разобрали и отдали бабушкам Сибирячихи на дрова, даже жернова привезли.

В определенной степени поисками пригодной земли объяснялось и разукрупнение старожильческих сел в 1920-е гг. Это проявилось в устной истории об образовании Лесной заимки, которая возникла в 1922 г., «когда разрешили от государства выделить Александровку, Гордеевку, Вятчиху, Ануйское. Лингвистические особенности повествования Л. Т. Денисова отражают особенность ситуации 1920-е гг. — усиление роли государства и его вмешательство в деревенскую жизнь, силу которого крестьяне, привыкшие к общинному самоуправлению, ощутили. Договорились единолично жить и уехали. Было дворов 30. Сеяли, где возможность — в вершине Барыкина луга. А так больше скотоводство».

К началу 1930-х гг. (начало коллективизации) маленькие крестьянские коллективы освоили всю территорию: через гору от Сибирячихи еще до революции в Денисовом логу возникла Денисова заимка. Там построили одну избышку, скот держали, жили зимой и летом. Такие же поселения-малодворки создавали в логах, окружавших Сибирячиху, — Артюшином Логу, Озерском Логу. В Онохрином логу, по народному преданию, возникла деревня Черемшанка; там раньше около ключа «сват наш (Л. Т. Денисов) Онохрин (избушка) жил на месте Черемшанки. Там же — двухжерновая мельница. Никому не подчинялся, ни богу, ни царю. Скупал скот у калмыков. Сарлык — вид быка с лошадиным хвостом. У него была заимка на усе, где Черемшанка впадает в Ануй». Сам рассказ мифологизирован и отражает народное представление о вольнице в горной местности за Бий-

ской военной линией. Именно такие вольные люди и осваивали, по народной мифологии, удаленные территории. Л. Т. Денисов так и сказал: «Почти в каждом логу было хозяйство». Образовалась плотная поселковая сеть в долинах гор: «В 17 км от Сибирячихи на реке Большая Речка (она впадает выше Черемшанки в Ануй) основалось село Большая Речка (от Тальменки в 4 км вверх по реке), в 3 км по этой речке вверх была Малиновка, а от нее через хребет к Черновому. А в другую сторону перевалишь — Башелак... Направо от Большой Речки поселок Прямое в логу был (20 дворов). Бежал маленький ключик (половина жителей с Башелака, половина с Большой речки). Сговорились и выселились».

Устноисторическая интерпретация показала, что крестьяне не помнят о событиях, происходивших в эти же 1920-е гг. в стране (борьба в партии, нэп). Рассказ о жизни в те годы старожилы начинают одинаково: «когда жили единолично», иногда расшифровывают: «жили своим хозяйством, имели свои пашни, скот», «хорошо было». И «для себя растили, и излишек продавали», не имели «над собой начальников».

Из сел, которые были образованы крестьянами в период свободного землепользования, до наших дней сохранились единицы. Но опыт аграрного освоения Алтайского края свободными хлебопашцами был бы полезен и в наши дни. Особый интерес представляет обращение к крестьянскому опыту возделывания земли, переработки и хранения зерновых и овощей, секретам крестьянского ремесла и кустарного производства. Одна из причин сельскохозяйственного кризиса в наши дни видится в потере бытовавших в каждом селе производственных и трудовых традиций. Крестьянский труд индивидуален. Успех хозяйствования на конкретном поле зависит от знания данной земли, климата и т. п. В этом деле нет мелочей. Конкретный опыт эксплуатации конкретного поля может найти применение в современном сельском хозяйстве. И если верить политикам и экономистам, предсказывающим возрождение русской деревни через фермерство и аренду, то лучших мест, чем прежние места обитания сельских жителей, не найти. По-видимому, влияние нэпа на алтайскую деревню, потенциальные возможности частного предпринимательства на примере развития единоличного хозяйства должны стать самостоятельным объектом изучения академической науки с опорой на устные источники.

Жизненный опыт старожил (эмпирическая история — experience) привел к выводу, что возможности крестьян при единоличном хозяйстве были шире. Единоличники вели хозяйство умело, используя природные и климатические условия конкретной местности: рационально сочетали земледелие, скотоводство и пчеловодство на заливных лугах крупных рек;

С. Лютаево. 1990 г. Фото автора

скотоводство, пчеловодство и кустарные промыслы в гористой местности. Несомненно, направленность единоличного хозяйства была обусловлена производительными возможностями окрестностей каждой деревни. Именно этим объясняется особенность хозяйственного развития крестьянской экономики Солонешенского района — сочетание скотоводства с кустарными промыслами. По словам краеведа А. И. Пяткова, в Боровском (в 1957 г. — 8–10 дворов) имелись благоприятные условия для кустарных промыслов. Крестьяне готовили древесный уголь, выжигали известь, гнали березовый деготь, смолу, изготавливали тележную смазку, драли бересту. Жители содержали большие пасеки. А вот в с. Кучина Речка существовали благоприятные условия для выпаса скота. Там стояли выгоны лошадей. Но местное население добавляло к скотоводству те же кустарные промыслы.

Надо отметить, что хозяйство старожилов Солонешенского горного района специализировалось на скотоводстве, кустарных промыслах и пчеловодстве. Недаром уже в советское время на основе кустарных традиций в некоторых селах были созданы промартели, в том числе и в Боровском (закрыта в 1957 г.). Устные истории подтверждают вывод, сделанный академическими историками, что чаще всего кустарные промыслы развивались именно в поселениях, образованных российскими переселенцами.

Заброшенный дом в с. Лютаево. 1990 г. Фото автора

Так, в Москалевке сначала «деготь гнали, готовили древесный уголь. Стали другие заселять, которые держали скот. Они выпасали»

Уже в советское время на основе крестьянских традиций главным направлением колхозного производства стало скотоводство. Москалевский колхоз «Искра социализма» (в 1930-е гг. село выросло с 20 до 40 дворов) был известен развитым скотоводством, которое в силу природных условий получило молочное и овцеводческое направление. В Москалевке на животноводческой ферме было около 80 дойных коров (4 доярки), а овец в кошах около 2 тыс. голов при посевной площади всего в 200 га. Ферма имела две бригады. Коровье молоко сепарировали на местной молочно-канке, сливки увозили на маслозавод в Карповку, потом в Лютаево. Доили даже овец, готовили в Лютаево брынзу. В годы войны брынзу увозили на фронт. У И. А. Москалева пастухом овец в войну была жена. По его словам, «ягнят отнимали, и овец доили старушки. А женщины во время войны на сенокосе были». Д. С. Нормандский рассказывал про Москалевку: «В 1937 г. колхоз был богатый, к нам тянулись — 4 тыс. овец, 100 коров, 2 бригады. До войны было 42 дома, церковь, клуб, школа до 7-го класса, мельница, рушейка, маслوبيлка, крупорушка. Колхоз богатый, по 13–16 баранов выдавали на трудодни каждому, центнер пшеницы, масло, мед» (Д. С. Нормандский).

Начавшаяся с коллективизации массовая реорганизация единоличного крестьянского хозяйства изменила принципы развития экономики и формирования поселковой сети. Именно 1930-е гг. положили начало политике, которая привела к сокращению сельской населенной сети и разрушению крестьянского уклада жизни. В советское время деревня пережила бурные реорганизации, перестройки, преобразования (всего более 30 кампаний). Наибольший удар по поселенческой инфраструктуре нанесли кампании 1930-х гг. — коллективизации и раскулачивания, 1950-х — укрупнения колхозов и 1960–1980-х — ликвидации неперспективных сел.

Объективными причинами уменьшения численности сельского населения и количества сельских населенных пунктов являлись подъем промышленности в 1930–1970-е гг., вызвавший спрос на рабочую силу и отток населения из села, и потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны. Но первопричиной являлась замена индивидуального хозяйствования на земле коллективным трудом и административным регулированием аграрного сектора экономики. Инициатива преобразований исходила от официальных властей и проводилась через директивы, постановления и указы. Беседы со старожилами показали, что административный путь реализации масштабных программ не учитывал настроений и пожеланий самого сельского труженика. Процесс развития поселенческой структуры носил противоречивый характер. С одной стороны, он сопровождался образованием новых населенных пунктов формировавшегося колхозно-совхозного сектора экономики (центральные усадьбы колхозов и совхозов обростали отделениями и фермами, в разряд которых попадали не только уже существовавшие села, но и вновь образовывавшиеся), с другой стороны — разрушением старых крестьянских поселений и уничтожением сельскохозяйственных малодворных заимок, хуторов, выселков. При этом верх над хозяйственной целесообразностью брала новая идеология — формирование коллективных хозяйств с обобществленным сектором экономики.

Реализация социалистической концепции переустройства началась еще в 1920-е гг. с образования коммун. Так, между Камышевкой (Петропавловский или Смоленский район) и Березовкой выселением добровольцев были образованы коммуны «Волна», «Заря» и ряд других, переросших в поселки. В отличие от предыдущего периода, в интерпретации образования новых поселений возобладали термины «организовали», «сорганизовали», «образовали», что отражает принципиально иную схему размещения и формирования поселковой сети. Ранее инициатива шла снизу, от крестьян, в колхозное время — сверху, от партийно-чиновничьей администра-

ции. Крестьяне отметили кардинальное изменение принципа селообразования словами «искусственное», «организованное» село. В них отразились все мысли, чувства, восприятие потомственными крестьянами происходящего, отношение к нему.

В начале 1930-х гг. была образована Рыбинская ферма (позже отделение Солонешенского совхоза). Но, по воспоминаниям старожилов (Шадрин В. Т.), ее расположили в неудобном месте, связь существовала только зимой, летом трудно было проехать. Уже после войны в ней насчитывалось около 10, а в 1952 г. — 5 домов. Административным советским путем был образован Огород (огородный участок). Как определили старожилы, «сначала у совхоза был огород, а потом сорганизовали деревню». В «организованном» (старожилы неосознанно подчеркивают иной, не крестьянский путь образования села в советское время) поселке в 1959 г. проживало 85, а в 1970-м — уже 20 человек. «Искусственным селом» называли старожилы поселок Партизанский (суждение потомственных крестьян) — «образовался колхоз, и создали ферму». Суждение об искусственности села обосновывается старожилами также способом последующего формирования населения: «село искусственное — ссылали перед войной немцев, в 1946 г. — молдаван, тифозников». Названия вновь образованных сел отражали идеологию советской эпохи: Светлинская, Чапаевская, Октябрьская (вокруг Лютаево), Первомайская, Комсомольский (целинный поселок). Одновременно Советская власть на первых порах использовала созданную крестьянами поселенческую инфраструктуру. Малодворные крестьянские села стали основой колхозной сети с ее центральными усадьбами и отделениями. Председатель Большереченского сельского совета Л. Т. Денисов описывал развитие колхоза с центральной усадьбой в Большой Речке. К нему относилась Малиновка. Всего в двух селах в 1950-е гг. было 32 двора. В Малиновке (около 15 дворов) делали сани, брички, жгли для колхозов навоз. В войну работали на армию. Сам Денисов в войну оковывал сани в кузнице. Далее «ниже Большой Речки был организован в 1930-е гг. колхоз „Коммунист“ на месте кулацкой мельницы от Большой Речки... чуть повыше Тальменки в 3 км. Было 18 хозяйств... Одна баня. Я уехал (1957 г.), там еще 3–4 двора жили».

Меньше крестьяне Солонешенского района вспоминают процесс ликвидации хуторского хозяйства (было развито слабее, чем в лесостепных и таежных районах Алтая), сселения заимок в период передачи всей земли колхозам (1930-е гг.), но никто в своих рассказах не обходит вопросы организации колхозов и последовавшего за ней раскулачивания. На территории Солонешенского района драматизм раскулачиванию придавал состав

старожильческого населения. Проживавшие в горах в большом количестве старообрядцы, объединенные в народных рассказах под одним названием «кержаки», в отличие от преимущественно «российского» населения других районов края, сопротивлялись новой коммунистической (атеистической) идеологии и лишению их экономической самостоятельности, крепости своего хозяйства. В Малом Листвененке кержаки «во время коллективизации бунтовали, у одних насильственно угоняли скот, отбирали коров, хлеб, куриц... Остальных ссылали... Балашова сослали за то, что менялся с цыганами конями, а когда увозили, не имел даже рубахи. Кулачили в основном кержаков, за косилку и молотилку, грабли. Только построили дома, их всех согнали, а дома добротные разгромили, сожгли... молельню кержаки бросили, и стала школа...» В «раскулаченном» Малом Листвененке создали колхоз «Сталинская конституция», в 1950-х гг. его объединили с «Максимом Горьким» в Лютаево. Поэтому кержакские села Малый и Большой Листвененок пострадали больше, чем переселенческие «российские» поселки. Так, Москалевка, основанная переселенцами из Воронежской области, понесла меньше потерь, чем «кулацкий выселок» из самой Москалевки — «Нижне-Москалевка», в котором было «дома три высланных кулаков». Старожилы помнят, что в 1935 г. из Москалевки первым выслали деда Москалева (Антипа Афанасьевича). Однако даже единичный случай в пересказе потомка раскулаченных драматичен. И. А. Москалев рассказывал, что «отца забрали в 1937 г., и только 1 ноября 1989 г. получил извещение о его судьбе и посмертную реабилитацию». Репрессированию отца Антипа Афанасьевича Москалева предшествовало раскулачивание его деда, основателя Москалевки Афанасия Фроловича. Он был старостой при церкви, которую переселенцы на свои деньги успели выстроить перед революцией. Не успели только обзавестись собственным батюшкой. Попа привозили из Камышенки (дед «Пашки Нормандского»). По рассказам И. А. Москалева, «деда кулачили в 1935 г. — 4 лошадей хоть и сдал в колхоз, а корову уже забрали. Отец говорил деду, что из-за тебя раскулачили (из-за того, что был церковным старостой. — Т. Щ.). Дед заматерился, влез на печь, заболел и помер». При этом потомственные крестьяне не открыто формулировали негативное отношение к борьбе Советской власти с церковью (их отучили порицать советскую политику), а осуждали репрессии против деятелей церковного прихода и разрушение церквей через толкование этих действий как святотатство, наказание за которые определяет сам бог: «Церковь сломали и из бревен сделали телятник (Москалевка) в конце 1930-х гг., а до этого кино в ней гнали, еще говорили, что поэтому все телята дохли. Как родился — и погибнет» (И. А. Москалев).

Следует отметить, что большинство опрошенных считают, что образование колхозов шло принудительно, против воли крестьян-единоличников. В Лютаево, по словам Ф. А. Зверевой, «в колхоз загоняли насильственно». Ее деды по отцу приехали «из Воронежа». У отца «все поотобрали, имел 2 коровы, 2 коня, 5 сыновей и дочь». Мать — из Камышенки. Ее дед по матери (А. С. Платонов) с 7 девками и 4 парнями переехал в Лютаево в 1895 г., а в 1920-е гг. переселился в коммуны «Заря», которую тоже разгромили и увезли (сослали) деда.

С раскулачиванием и коллективизацией старожилы связывают гибель целого ряда малодворных поселений — хуторов, заимок, выселков. Были подорваны силы молодых поселений, возникших в 1920-е гг., так как их образовали крепкие хлзыева, попавшие в категорию кулаков. К ним отнесли и кержаков, которые проживали почти во всех селах Солонешенского района — Лютаево, Большом и Малом Листвененке, Топольном, Сибирячихе и др. Мало кто в Солонешенском районе помнит село Большой Листвененок, которое раскулачивали в середине 1930-х гг. Д. С. Нормадский рассказал: «В Большом Листвененке жили кержаки. Две мельницы имели. Все огородили лиственницей. За ней скот держали. Когда меня в 1938 г. в армию брали — еще дома пустые оставались, несколько людей жили. А в годы войны сожгли на дрова или увезли в Светлинскую, там создавали коммуну». И. А. Москалев помнит: «В Большом Листвененке дома были большие, крестовые. Дворов 10, но крепкие. Был маслозавод. Маркел имел двухэтажный крестовый дом. Хитрый был: когда раскулачивали — уехал в Куячу (Алтайский район). Когда кулачили, все разбежались. А Емельяна Большакова, хороший хозяин был, сослали в Нарым. А дома в Листвененке были, я завидовал — мощные, двухэтажные». М. И. Субботина, 1908 г. р., жительница Малого Листвененка (Листвянного) вспоминала, что из Большого Листвянного, когда «кулачили», часть переехала в Малый Листвянный: «в 1932 г., когда мы приехали из Булатово в Малый Листвянный, уже не было Большого Листвененка. Стояло 2 домишка... доярки... гурты. А большие дома развезли».

В памяти потомственных крестьян, несмотря на сильный идеологический прессинг, остались свои представления о кулаках: крепкий мужик, хороший хозяин, крепкий двор. В рассказах сквозит сочувствие к ним. По словам крестьян, «...кто похитрее, тот сбежал, а остальных за горы угнали, и стинули». В Солонешенском районе повсеместно встречаются рассказы о «хитрых» крестьянах, которые, не дожидаясь репрессий, покидали села. Старожилы помнят, что в старейших селах обезлюдели некоторые дворы.

Так, когда в 1940 г. в Большую речку приехал Л. Т. Денисов, там «было около 20 пустых домов. Боясь раскулачивания, уехали».

Д. С. Нормадских выразился однозначно: «Когда стали кулачить, самые грамотные сбежали, а кто не сообразил — раскулачили». Грамотным оказался основатель выселка Гордеевка — Гордеев. Про него старожилы рассказывали: «Был киргиз (мы так казахов звали), шапки с хвостом, и никому не подчинялся. Учужал, что неладио. Все бросил. И уехал на Ионыш в Чарышское. Многие уехали крепкие мужики, туда, где еще не было Советской власти (крестьянская традиция поиска благодатной земли Беловодья, где не было власти и можно жить как хочешь, своими трудами и понятиями. — Т. Щ.). И жили как вздумают. И из Сибирячихи многие уехали. Гордеев же беженцев подрядил, и они за хлеб натаскали камни и глину и слепили ему дом. Я лет 6 назад ездил рыбачить на ключ „Прямое“. Там оставались развалины. В лужке каменно-глиняный дом» (Л. Т. Денисов). С раскулачиванием и бегством крепких хозяев устная история связывает гибель и поселка Прямое: «Мужчин не было. Были медведи. И женщины не могли справиться. В начале войны или в 1940-е гг. исчез. Избушки стояли. Кому не лень, развезли».

Раскулачивание отразилось и на крупных селах, подорвало их производительность и жизнеспособность. Особенно сильно оно сказалось на старообрядческих селах Солонешенского района. Надо заметить, что в 1990-е гг. интервьюируемые иначе рассказывали о раскулачивании, нежели теперь. Почти за 15 лет, с 1990 к 2004 г., крестьяне поверили, что принадлежность их дедов к кулакам не вызовет общественного порицания и не повлечет за собой морального и материального ущерба. В 1990 г. душе людей еще сохранялась боязнь воспоминаний о раскулачивании и репрессиях, что отражалось на характере изложения материала (умалчивания, инсказания, постоянные оговорки). Жизненный опыт старожиллов заставлял помнить о высокой цене искренности. Слишком долгое время вбивалась в их сознание оценка кулаков как врагов народа.

Некоторых раскулаченных, изъяв все имущество, в том числе рабочий скот и орудия труда, выселяли из родного села. Часть из них селилась на заимках, пасаках, выпасах, где они начинали с нуля. Многие из выселенцев, оказавшись без продуктов питания, средств производства, земли, стали жертвами голода 1932–1933 гг. Такая история произошла в зиму 1932–1933 гг. Дети и женщины с. Глиняного собирали на полях колосья (некошенный падалик). Мололи зерно на ручных мельницах, добавляли в мякину, пекли и ели. Началось массовое заболевание — как рассказывали старожилы, «все заболели... грудь запеклась...»

Большой урон малодворным селам нанесла Великая Отечественная война. Она «обезмужичила» деревню, лишила ее рабочей силы. На фронте погибли «почти все мужики». И так в каждом селе. Здоровье и силы оставшегося населения — женщин, пожилых людей, подростков — были подорваны непосильным для них трудом, что сказалось на состоянии послевоенной деревни. Устные рассказы женщин имеют много общего, достаточно привести один отрывок: «В войну мужиков много забрали (далее в каждом воспоминании идет поименное перечисление односельчан)... Уже 16 насчитала. А вернулись (пофамильно) 6 человек. Остался из старых дядя... Хомуты правил, сани делал, брички. Всю силушку положили. Хватили горяшка до слез. Всю мужскую работу. Вспомнишь — сердце кровью обливается». Да «дети одни работали. Надо изматериться за их работу. Да что детям скажешь. Так бригадир — бабка Тамонова кричала: «Подьте вы к ногтю, ребятишки». При такой нагрузке люди жили впроголодь: «Платили крестиком. А выдавать ничего не выдавали. Хлеба не получали нигде и никогда. Морили. По хлебу ходили и хлеба не ели».

Миграция крестьян из сел в 1930–1950-е гг. способствовало крайне низкое материальное положение колхозников. В устных воспоминаниях отразилась безысходность колхозной жизни (колхозникам не давали паспортов, чтобы сохранить рабочую силу на селе), работа за «палочки» («палочками» отмечался каждый отработанный день — «трудодень») с возможным расчетом после уборки и реализации урожая, грубое регулирование размеров подсобного хозяйства. Фактически труд колхозников стал неоплачиваемым, а высокие налоги на собственное хозяйство привели к голодному существованию. Вот как описывали очевидцы жизнь в послевоенной Малиновке и Большой речке: «Мужиков побрали, а бабы собрались и уехали, и там ничего не осталось. Много с голоду умерло. Мне выдавали как председателю 500 г муки, а остальным 200 г. Была школа (дом раскулаченного), учили всех вместе. Ни бумаги, ни карандаша. Сам на газете писал. Не было больницы (до войны был фельдшер). Старые кержаки не верили больнице. Там был колхоз Большереченский. Был я председатель сельского совета. Я уехал последним. Есть хотели — нечего есть, кроме травы... Когда уезжал, оставались пустые дома. Калманский совхоз на известку спалили» (Л. Т. Денисов).

Но вместо финансовой и экономической поддержки разоренных раскулачиванием и войной сел и деревень был найден более «дешевый» способ решения социально-бытовых и экономических проблем: укрупнить колхозы и сосредоточить рабочую силу и технику на центральных усадьбах за счет ликвидации малых сел. Реализация политики укрупнения сел в

Место бывшего села Быстренок у дороги в с. Карпово. 1990 г. Фото автора

1950-е гг. (первый этап — в начале 1950-х, второй — 1957–1958 гг.) и ликвидации неперспективных сел в 1960–1970-е гг. привели к массовой гибели сел Солонешенского района, и не только малодворных. Удар был нанесен по большим селам — Таловке, Калинке, Большой Речке, Малиновке. Так, в Калинке в свое время был сельский совет, с. Садовое раньше было центральной усадьбой (в 1992 г. там жило 8 человек, да базировался лагерь, что позволило в 1990 г. сказать про село: «теперь только пионеры живут»). Образованный в 1903 г. переселенцами Быстренок в 1926 г. имел 44 двора, являлся центральной усадьбой, имел 8-летнюю школу. С 1971 г. он был ликвидирован как неперспективный. Центральной усадьбой было «назначено», по словам старожилов, Карпово, куда и перевели восьмилетку (до этого в Карпово была только начальная школа — 4 класса). Карпово же, как запланированная центральная усадьба, стало расти и преобразовываться. НИИ «Гражданпроект» был составлен генеральный план застройки села.

Последний житель из Быстренки уехал в 1976–1977 гг. На территории Карповского сельского совета осталось 3 села из 5: Песчаное («разгоняли с 1965 гг., к 1970 г. осталась одна бабушка»), Карпово, Булатово, Александровка и Новая жизнь. Развернувшаяся кампания, имевшая благие намере-

С. Карпово. 1990 г. Фото автора

нные бытовые условия для жизни и закрепить людей на селе — привела к противоположным результатам: резкому уменьшению сельского населения и непроизводительному использованию сельскохозяйственных угодий исчезнувших сел. Малые села играли свою роль: обеспечивали места выпасов скота, заготовки сена, посева зерновых. Всего 20 км разделяли с. Лютаево и Светлинское в Солонешенском районе, но лишь около Светлинского можно было заниматься хлебопашеством. Однако оно было зачислено в разряд неперспективных. Н. И. Жиров, бывший председатель сельсовета, пытавшийся отстоять село, услышал в ответ: «Мы вон в космос летаем, а ты в Светлинскую за 20 км от центральной усадьбы, что ли, не сможешь добраться?»

В Солонешенском районе до сих пор используются угодья погибших сел: на месте Гордеевки в 5 км от с. Сибирячиха по р. Сибирячок до сих пор выпасается скот, но его приходится перегонять. На месте Вятчихи в 12 км осталось летнее пастбище для сибирячихинского скота (в прошлом сеяли, косили, скот держали). В Ануйском остался совхозный сад, при котором расположен детский лагерь. Как говорят старожилы, раньше по поселкам «хоть и маленькие кучечки людей, но обрабатывали землю». В ходе кампаний по ликвидации малых сел разрушались десятилетиями формировавшаяся производственная специализация, обусловленная природными условиями и навыками коренных жителей (скотоводческие, земле-

ными условиями и навыками коренных жителей (скотоводческие, земледельческие села). Результатом старожилов считают возвращение к исходной ситуации XIX в. — слаборазвитой поселковой инфраструктуре и малодворности многих сел. Так, про Красный Ануй говорили, что он в свое время образовался из заимки, расположенной «за горой от Сибирячихи». Ходили туда за черемухой. В поселке были десяток домов, пасека. Разрушили. Люди уехали в Кемерово. Осталась опять заимка.

Объективным фактором ликвидации поселений являлось закрытие промышленных предприятий, которые являлись селообразующим фактором. На территории Солонешенского района к таким населенным пунктам относилась Мульчиха. В конце 1940-х — 1950-е гг. на Алтае были закрыты многие вольфрамовые рудники, что повлекло за собой ликвидацию населенных пунктов, сформировавшихся при них: Колываньстрой Курьинского района, Макарьевский рудник Смоленского района, Верх-Слюдянский рудник Усть-Калманского района, Мульчихинский рудник Солонешенского района. В отличие от крестьянских сел, поселки при рудниках имели более развитую социально-бытовую и культурную инфраструктуру. Селообразующим предприятием Мульчихи стал рудник по добыче вольфрама и молибдена. Поселок был небольшим, в нем проживали рабочие рудника, которые держали свое хозяйство. Но село жило за счет рудника. В 1940-е гг. в нем было около 40 дворов. В небольшом поселке были средняя школа, медпункт, клуб, магазины. В 1948–1949 гг. г. рудник закрыли, и люди сразу разъехались, большинство — в Бийск, казенные дома увозили в Солонешное и Башчелак. Одной из причин миграции из села было то, что промышленное производство привело к уничтожению условий для прежних занятий крестьян. И раньше первопоселенцам «посевов нигде было, а в котором не стали жить, так как все было вскопано. В Сибирке (речка) нельзя было пить. Вода как молоко. Птицы и рыбы гибли».

Во время укрупнения колхозов погибли Листвянное (Малый Лиственен) и Москалевка: колхоз «Искра социализма» был укрупнен за счет объединения с Лютаевским колхозом, в котором до этого было два колхозных хозяйства: «Горный борец» и «Максим Горький» — и к нему же присоединили колхоз «Сталинская конституция» Малого Листвененка. В результате, по словам старожилов, «ликвидировались Москалевка и Малый Лиственен в 1950-е гг.». Так, жительница Малого Листвененка с 1932 г. Маланья Ивановна Субботина (1908 г. р.) рассказывала, что в 1932 г. в селе было около 20 дворов. «Образовалось оно как выселок (или заимка) Солоновки, когда разрешили селиться. Была четырехклассная школа, а после 4 классов учились в Лютаево. Ларек был с продавцом. В нем торговали мылом,

спичками, табаком, даже сахара не было. Занимались скотоводством: коровы, лошади, овцы, свиньи. На быках пахали, тракторов не было. Появились только после войны. Ни один мужик с войны не вернулся (обезмужичела деревня), и таких маленьких поселков, оставшихся после войны без мужиков, было много. Такую же историю рассказали и о Прямом. В 1950 г. мы последние уехали. Я с одной бабкой, Марьей Ивановной Шарабариной, с овечками жила. Сами пасли. Сторожила. Мы жили, одна избушка была. А после нас никого в логу не осталось. Никакого колхоза. Уезжали в Новокузнецк». В Калинин в 1950-е гг. было около 20 дворов. В середине 1980-х гг. жил лесничий, стояло двора 3, все уехали. Но в летнее время там пасли овец.

Записи бесед сохраняют колорит речи, характерные обороты, личностную оценку, что отсутствует в официальных архивных материалах. Характерен своеобразный крестьянский юмор, проявившийся при оценке неблагоприятных поворотов развития деревни, например, в оценке политики укрупнения колхозов в 1950-е гг.: «Сначала Вятчиху оженели на Сибирячихе. Потом Ануйское оженели. И не стало ни Вятчихи, ни Ануйского» (Л. Т. Денисов). В Вятчихе были самостоятельные колхозы (им. Ежова, им. XVII партсъезда), в 1952–1953 гг. их присоединили к колхозу «Красный партизан» (Сибирячиха). При этом рассказы людей несут тоску и боль за разоренные села. Как сказали про Вятчиху, «ничего не осталось, один бурьян растет. На месте домов посадили лес, а из домов школу построили». В 1970 г. на месте Вятчихи, по словам Попкова, «жили старики Денисовы, держали пасеку. И молодые останавливались там. Пасли сибирячихинский скот. Туда вся Березовка и Сибирячиха за малиной ходили, охота, рыба».

Многие старожилов плакали, рассказывая о великом переселении. Москалевку дважды «тряхнули»: «в 1929 г., когда лошадей забрали в колхоз „Искра социализма“ и в начале 1950-х гг. (первый этап укрупнения), когда стали укрупнять. Соединили с горно-алтайской фермой (Малая Березовка) и уехали в Березовку и Лютаево, — рассказывал И. А. Москалев, — мы уехали в 1952 г. Оставалось 5–6 дворов. Последний, Яков Сидорович Нормандских, выехал в 1957 г. Мы каждый год ездим, и там река разлилась. И сейчас словно ничего не было». Но пригодные для скотоводства окрестности до сих пор используются для выпасов (в 6–7 км от Лютаево): «На нашем месте стоит вагончик и пасут нетель. И овцы. Остались только рытвины и погребка». И. А. Москалев, чей прадед Фрол Москалев участвовал в создании села, с болью говорил, что от жителей Москалевки осталось только бесхозное кладбище: «Кресты валяются. Лесины торчат. А от деда и мате-

ри буторки остались». На деревенском погосте нашли пристанище первопроходцы-крестьяне, которые не боялись тысяч верст и бездорожья и пешком пришли из Воронежа на далекие солонешенские земли.

Анализ воспоминаний позволяет сделать вывод, что, несмотря на провозглашенный принцип добровольности, укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел проводились чисто командно-административными методами, без научного прогнозирования развития населенных пунктов, без учета настроений местного населения. Местные партийные и хозяйственные органы использовали не только методы разъяснения, но и открытого давления, создавали условия для вынужденной миграции населения, лишали население работы, закрывали школы, здравпункты, клубы. Интересно определил ситуацию Н. И. Жиров, директор совхоза «Светлинский», 6: «Я был директором совхоза; когда стали укрупнять, я им говорю: что делаете? Раньше у кулаков были заимки (в устной интерпретации — победила «крестьянская жилка» — Т. Ш.). И у нас скот в центральном, а село за 20 км, хлеб — за 20 км. Я спорил. Стали бить: вывезли сначала медпункт, школу, и тогда все поехали. Так добивали в 1965–1967 гг. Мне говорят, что сверху команда. А как закрыли деревни, люди стали уезжать... Они сильно на меня напали. Я бился. Как деревни закрыли, школы... Я как-то насчитал 30 поселков по 200 голов скота и в каждом до 30 дворов. И в основном все уехали... А ведь только в 1970 г. в Чапаевском (я принял их в 1969 г.) было 63 хозяйства и 176 человек (78 мужчин и 98 женщин), в Светлинском — 25 хозяйств (96 человек). А всего в 1969 г. в Светлинском совхозе было 463 хозяйства с населением 1643 человека, держали 1155 голов коров, 11108 овец, 421 лошадей. В 1973 г. — 1460 человек. А когда я был в 1982 г. председателем сельского совета, Светлинской уже не было, Чапаевская еще была».

Многие говорят, что признаков скорой гибели сел не было. В Этаголе была ферма, голов 200 коров, около 30 дворов. Березовская ферма — Октябрьская была маленьким поселком: около 15 дворов в середине 1950-х гг., барак, где жили молдаване, прибалты. Еще один барак построили. Поэтому семей больше было — около 30. Но маленький производственный коллектив содержал 2 дойных гурта, 1200 овец. В то время, по словам Н. И. Жарова, который жил там, «село росло, мужиков стало много (благополучный показатель послевоенной жизни — дороги, так как многие деревни так и не встали после войны без мужчин. — Т. Ш.) Строили. Появились огороды». А вот уменьшаться ферма стала после расформирования района в 1962 г. (хрущевское укрупнение районов и разукрупнение). И совсем погибло село как неперспективное.

А все ликвидированные села имели минимальный, но достаточный уровень развития культурно-бытовой базы, созданной советской властью за короткое время: магазин, школу, клуб, медпункт. Дальнейшее ее развитие требовало финансовых средств и длительного времени. Именно эти факторы не устраивали партийцев, торопившихся построить коммунизм и приблизить село к городу. Схема нового расселения с выделением сел с укрепляемой материально-технической и социально-культурной базой и неперспективных сел с постепенной ликвидацией составлялась научно-исследовательскими институтами Новосибирска и Москвы. Многие села были отнесены к неперспективным на основании объективных факторов — удаленности от центра, отсутствия дорог, связывающих их с центрами, разделяющих рек. Преодоление этих недостатков было вполне осуществимо, но также требовало времени и денег. В Солонешенском к неперспективным отнесли Таловку, расположенную по другую сторону Ануя от Березовки. Бывшие жители Панковы и Полковы рассказывали, что «Таловка была большим селом, в 1952 г. до 42 дворов. Даже после 1958 г. стала развиваться, построили магазин, школу, клуб. Занимались скотоводством, выращивали хлеб на фураж. Все убрали. КРС ликвидировали. Люди стали разъезжаться. Завели овец. Тогда все свезли в Березовку — клуб, построили из него общежитие, школу, магазин. А потом Березовка стала складами растаскивать. Мы уехали в 1978 г., и осталось 3 дома. Думали, и люди уедут туда (в Березовку). А все разъехались кто куда. Вся загвоздка — сделать мост через Ануя, и люди бы не уезжали».

Та же проблема существовала в Садовом, где была центральная усадьба Сибирячихинского совхоза. В соответствии с традиционным стереотипом «царь-батюшка добрый, а чиновники злые» рядовые совхозники обвинили директора совхоза Падерина, который переехал в Сибирячиху, — «прихоть директора». Как говорят старожилы, «виноват был хозяин совхоза. Он так решил, перевел начальство туда, в Сибирячиху». Устный источник отразил мировоззренческую традицию российского крестьянства, покоряющего огромные просторы, привыкшего жить вдали от «государства», обвинять во всем местную власть, которая в советское время полностью отражала политику центральной власти и указания партии. Только на таком условии местная администрация сохраняла свою власть. Но настоящая причина крылась в отнесении Садового к неперспективным селам. Одним из факторов отнесения села в разряд неперспективных была опять же река. Местные жители отмечают данный фактор в своих интервью, но не видят общей картины. По словам В. К. Денисовой, в Садовом существовала «проблема с мостом. Строили. Сносили». На территории Соло-

нешенского района многие села, бывшие центральными усадьбами, были отнесены к неперспективным, хотя по многим показателям имели значительный для того времени уровень производственного и культурно-бытового развития. В том же Садовом, по словам Денисовой, «когда приехала в 1961 г., было более 50 дворов. В совхозе были все молодые специалисты. 8-летняя школа, новый клуб построили в 1961 г., 2 магазина, контора, столовая, мастерская. С 1963 г. потекли люди. С 1968 г. уже стало отделение совхоза».

Многие колхозники и рабочие совхозов поверили агитационной пропаганде, устав от бездорожья, бескультурия. В 1970-е г. был подорван и Чапавский, являвшийся центральной усадьбой в 1950-е гг. (до переноса в Лютаево). По словам П. И. Катенко, «передовая была в районе деревня. Был клуб, библиотека, медпункт, школа-четырёхлетка. Было 2 дойных гурта, крупная пасека. В 1960-е г. жили до 50 семей, а раньше деревня уходила за гору. Уезжать стали с середины 1970-х г. Деревня сама по себе стала разъезжаться, дороги не было (не финансировалось дорожное строительство). Пустые дома вывели. Мы уехали в 1977 г. Земли отдали Красноануйскому в середине 1980-х гг. А теперь все пожалели. Солнечная сторона. Покося. Ягоды. Скот ходил вольно. Сейчас горюем, плачем. Вся деревня заросла. Памятник остался заброшенный (с фамилиями 10 односельчан, не вернувшихся с войны). Там были ключи». По подсчетам бывших жителей, односельчане разъехались по всему Алтаю: в Лютаево (4 семьи), в Карабину Солтонского района (Архиповы с 10 детьми), в Смоленское (Муравьевы), Березовку (Капустины), Красноануйское, Бийск (К. Ф. Жиликова с пятью детьми) и т. п.

Но в большинстве устных толкований очевидцев процесса ликвидации сел используется оценка действий власти «разогнали». Как сказал бывший директор Н. И. Жиров, «разогнали: сокращают поголовье скота — сразу семья уехала». «Разогнали», в интерпретации крестьян (Подосенова М. П.), и село Светлинское. «Исчезло 15–18 лет назад (1990 г.). Овцеводство. Были дойные гурты». В отличие от большинства сел Солонешенского района, «там было зерновое хозяйство, там были поля, как и у „Знамени Октября“. Хороший хлеб. Начальная школа, магазин, клуб... Дома вывозили. Какие построили, какие на дрова. Многие в Лютаево приехали. А часть — за пределы района. В Петропавловский район: Соловуха, Камышенка...»

В устных преданиях о гибели сел лингвистическая составляющая отражает принадлежность человека к той или иной социальной группе. Так, старожил Л. Т. Денисов, занимавшийся советско-административной деятельностью, часто мешает в языке слова из словаря предков — крестьян-

старожилов — и сельской номенклатуры (председатель сельсовета). Так, он оперирует словами «кулацкая мельница», «Малиновку еще в начале 1950-е гг. аннулировали», «село ликвидировали» и т. д. Но одновременно он хорошо помнит дедовскую жизнь, когда «брату земля досталась на пай, и переехал».

Лексика («разогнали», «ликвидировали», «закружили») подтверждает принудительный характер перегруппировки сельского населения и отражает зависимость, гражданскую бесправность и экономическую несамостоятельность крестьян, которые в результате «потекли» из села.

Таким образом, необдуманная политика переселения из мелких хозяйств в крупные содействовала миграции сельского населения, обусловила результат, противоположный желаемому. Развитие сети сельских поселений в советское время показало нецелесообразность ориентации на преимущественное развитие центральных поселков без существования малых сел. Нельзя допускать административного разрушения деревни или самоликвидации малых сел из-за недостаточно развитой базы общественного производства. Сельское хозяйство требует разнообразных форм и размеров сельских поселений, сочетания крупных, средних и мелких форм хозяйствования.

Т. Г. Беликова

Установление Советской власти на территории Солонешенского района. 1918–1921 гг. Очерки. Путь отряда П. Сухова

Уже в апреле 1918 г. было объявлено, что Сибирь находится на военном положении. На Дальнем Востоке началась военная интервенция, в Горном Алтае остро встал вопрос о выделении из Бийского уезда Каракорум-Алтайского округа. Выделение Горного Алтая в автономию означало бы в это время уничтожение власти Советов на местах. Был создан Каракорумский окружной совет, и уже летом 1918 г. его отряды добровольцев, созданные под лозунгом защиты областничества, жестоко расправлялись с красогвардейцами, посланными выполнять директиву бийских органов Советской власти — собирать продовольственный и денежный налоги на содержание Красной гвардии. Каракорумские отряды участвовали в бою под Тележихой с красогвардейским отрядом П. Ф. Сухова и в его уничтожении у с. Тюнгур.

Сводный красогвардейский отряд под командованием П. Ф. Сухова был создан 15 июня на ст. Алейская под Барнаулом. Это случилось после